

Ниедрите - Салиетис
Мария

9.10.65.

„ЛЕНИНСКАЯ СМЕНА“

г. Алма-Ата

9 OKT 1965

СУДЬБА БАЛЕРИНЫ

МЕДЛЕННО гаснут огни. Поднимается занавес, и на сцене оживают чудесные образы бессмертной легенды. Звучит неповторимая музыка Чайковского...

В ложе — немолодая супружеская пара. Женщина увлеченно следит за танцем. Но вот в оркестре зазвучали тревожные ноты. И лицо женщины вдруг становится неподвижным... Вспомнилось то, что хотелось бы вычеркнуть из жизни.

...«Лебединое озеро». И тогда, в 1940 году, в репертуаре Театра оперы и балета Латвии был этот спектакль. Коллектив готовился к первой декаде литературы и искусства в Москве. Тогда Марии Ниедрите-Салиетис было уже за тридцать. Но с какой-то юношеской увлеченностью принимала она участие во всем, что принесла с собой новая жизнь. Она — кандидат в члены республиканского профсоюза работников культуры, профорг балетного коллектива и, конечно же, — неизменный участник концертов, устраиваемых после многочисленных бурных митингов. Ее авторитет, горячая убежденность привлекали к ней симпатии работников театра. Некоторые — косились. Мария не придавала этому значения, она твердо верила: поймут. Поймут и пойдут по ее пути. Год пролетел как мгновение. Но тут грянула война. В Ригу вошли гитлеровцы.

В ПРОХОДНОЙ Мария увидела список. В нем была и ее фамилия; дверь в театр закрылась.

Вскоре в домик на острове Лиела Вейзакю постучался полицейский. Позже Мария узнала: многие артисты и художники уже побывали в префектуре. Немногим удалось вернуться оттуда. В центральную тюрьму отправили декоратора театра, секретаря партийной организации Яниса Айжсу. Там он умер, не выдержав пыток.

...Тогда, в камере № 10, Марии казалось, что не бывает переживаний тяжелее этих. Ночью заключенные вскакива-

ли от лязга дверей. Это выводили обреченных. Марии повезло. Видимо, убедившись, что балерина не представляет «смертельной опасности» существованию третьего рейха, ее выпустили под надзор полиции. Но недолго удалось пользоваться «свободой».

Саласпилский концентрационный лагерь. Время, проведенное здесь, не поддавалось обычному измерению. Недели казались годами. Тянулись дни, полные ужаса и унижения. Сначала леденял душу страх, потом настала та высшая степень нервного напряжения, когда человек как бы перестает воспринимать ужасы...

...Говорили, что до войны он работал парикмахером. Где-то под Ригой остались дети и жена. Он пытался бежать и был схвачен. Его повесили. Всех заключенных выстроили и для устрашения погнали к виселице. На груди казненного была повешена табличка с надписью на немецком и латышском языках: «Так будет с каждым, кто попытается бежать». Мария вспомнила почему-то лощеного немецкого офицера из рижской срочной тюрьмы. Особенно он любил цитировать Ницше: «Das Menschen leben hat keine Wert» — «Жизнь человека не имеет никакой ценности...»

Мария смертельно ненавидела этих «философствующих» убийц. Казалось, что никакое новое преступление не в состоянии уже поразить омертвевшую в страданиях душу. Но однажды наступило утро...

Накануне уникам приказали: к окнам не подходить, во двор не смотреть. Но Мария стала невольным свидетелем беспримерного злодеяния (барак, в котором она находилась, был расположен рядом с детским баракком). В то утро детей выводили во двор и грузили в машины: увозили на смерть. Были среди них совсем маленькие, были и подростки.

Не отрываясь, смотрела в окно рядом с Марией узница из Латгалии Хелена Труханова. Не увидит ли свою малень-

кую дочку в этой партии обреченных детей? Машины ушли, а Хелена продолжала глядеть во двор.

Трагически сложилась судьба этой женщины. За участие в партизанском движении Хелену бросили в лудзенскую тюрьму, где у нее и родилась девочка. Грудного ребенка отняли у матери в Саласпилском лагере. Где сейчас малыш? Куда угнали фашисты мужа, сына и старшую дочь?

ПОЛЬША. Мрачные баракы Штуттгофа. Их было меньше, чем в Дахау или Равенсбруке. Это и было единственным отличием.

В первые дни в лагере негде было повернуться. Но скоро стало свободнее — газовые камеры и крематорий работали исправно. Только одно поддерживало людей в этом логове смерти. Радость взаимной поддержки, выручки. Были и встречи. Однажды Мария узнала в новой соседке по нарам постаревшую, изможденную Хелену Труханову.

...Ночь. Равнодушные звезды на чужом небе и гулкая тишина вокруг. Третьи сутки узники тащились по оледеневшей дороге, поровну делили жалкие крохи хлеба из древесной коры, хватая на ходу горсти грязного снега. Шагающие в конце колонны старались смотреть себе под ноги, чтобы не видеть замаскированные снегом темные бугры на обочине дороги — это оставались обессилевшие товарищи.

Этой ночью Мария потеряла Хелену. Та, не переставая, думала о своей семье, но даже не подозревала, что в этой же длинной колонне шагает ее старшая дочь Мальвина, что в оставшемся за спиной Штуттгофе погибли ее муж и сын.

Лагерь «Прауста». Здесь не было крематория и газовых камер. Но эпидемии, голод и холод вполне заменяли их. Мария заболела брюшным тифом. Тяжелая болезнь отняла последние силы. Сквозь пелену, застилавшую сознание, до Марии доносились отдаленные залпы. Как хотелось дожить до освобождения!

И смерть отступила. Мартовским утром 1945 года широко распахнулись двери барака и в них показались воины с красными звездами на касках. Мимо лагеря на запад, грозно грохоча, шли советские танки.

ГРОХОТ аплодисментов. Спектакль окончен. В глазах Марии слезы. Их причину знает только очень близкий человек — муж.

— Не надо, Мария, — он трогает ее за руку, — не надо...

Милый Петерис, он всегда понимал ее. Как он помог ей летом 1945 года, когда Мария вернулась в родную Ригу. Его дружба и забота сделали больше, чем могли сделать врачи. Мария вернулась к любимому искусству. В 1948 году вступила в ряды КПСС. В Театре оперы и балета Мария Ниедрите-Салиетис проработала до 1959 года.

Сейчас балерина на пенсии. Ушел на заслуженный отдых и ее муж Петерис Бундис — 40 лет пел он на сцене оперы. Супругов редко можно застать дома. Они не пропускают ни одной премьеры в театре, которому отдано столько любви и сил.

Иногда Мария Ниедрите-Салиетис встречается с Хеленой Трухановой. Ей тоже посчастливилось вернуться домой. Она живет вместе с дочерью Мальвиной, растит внуков. И в материнском сердце все еще живет мечта обнять дочку, потерянную в Саласпилском лагере.

При встречах они редко говорят о пережитом. Слишком тяжело вспоминать о том, что никогда не забывается, что, как осколок снаряда, оставшийся в груди, постоянно напоминает о себе.

...Мария выходит из театра. Нет ничего в мире, чтобы могло победить жизнь. И торжествующим гимном продолжает звенеть в ушах прекрасная музыка Чайковского.

М. ЛУСИНЬ.